— Для кого твоя вера?

— …

Когда Мария спросила об этом, Анна потеряла дар речи. Она была сиротой. Одинокое существо, которому не было места в этом мире, она никогда не была никому нужна. Однако избрание святой позволило ей наконец-то стать нужной другим, что также помогло ей поднять самооценку. Причисление к лику святых было благословением небес, благодаря которому Анне было позволено существовать в этом мире.

Поэтому Анна продолжала играть роль святой, как того требовали от нее окружающие. Даже если люди говорили, что она похожа на марионетку, она верила, что это смысл ее существования. Пока она святая, она нужна людям. Поэтому на вопрос "для кого" она могла ответить, что для людей…

Но она видела слишком много крови, чтобы ответить на этот вопрос. Тех, кого сожгли как еретиков. Мирные солдаты, которые считали Анну святой, сражались и падали, веря, что эта битва - за леди Лунарию. Лицо человека, которого в тот день принесли к ней на носилках и который прижался к ней окровавленными руками. Оно запечатлелось в ее сознании и никак не хотело пропадать.

(Нет… это для леди Лунарии… для Святого Короля)

Она представила существ, которые были выше нее. Она пыталась оправдать убийство своей воли, результатом их воли. Однако она никогда не встречалась с леди Лунарией и не слышала откровений непосредственно от нее. Святой король Фуга не относился к Анне со злом, но часто бросал на нее жалостливые взгляды за то, как она жила. Как ни странно, эти глаза казались ей похожими на глаза Мэри, когда та пригласила ее пойти с ней. Именно в это время к Анне пришло осознание.

— Для кого твоя вера?

Анна не нашла ответа на вопрос Мэри. Тогда рядом с той появился крупный мужчина. Мужчина с бритой головой и бородой был одет в прекрасное облачение, не в обычное поношенное, заношенное облачение, а в такое, какое носят архиепископы. Мужчина встал рядом с Мэри и открыл рот.

— Ах… Ох… Господа лунарианские ортодоксы. Надеюсь, вы меня слышите. Я - Соуджи, глава Лунарской Ортодоксальной церкви в Королевстве Фридония. Я знаю, что вы находитесь в самом разгаре битвы, но я хотел бы, чтобы вы обратили на меня свое внимание хотя бы на минутку.

Это был архиепископ Королевской православной церкви Соуджи Лестер. То, что он назвал себя архиепископом Лунарианской Ортодоксальной церкви в Королевстве Фридония, а не главой Фридонской Лунарианской Ортодоксии, вероятно, было ответом на слова Мэри о том, что разница между учениями невелика.

— Теперь, со времен моего пребывания в Папском Государстве, те, кто стали моими учителями, и духовенство той же школы говорили: “Леди Лунария - милосердна”, “Она, Господь, спасет даже самых грешных”, “Лунарианская ортодоксия - учение, которое принимает эту грешную руку, и все верующие после смерти приглашаются присоединиться к леди Лунарии”… Не эти ли учения давали вам?

… Именно так, подумала Анна. Собственно, именно так ее учили, и именно поэтому она действовала, полагая, что ее присутствие в качестве святой шло на пользу леди Лунарии. Но тут Соуджи покрутил головой и сказал:

— Когда я услышал это учение, у меня возникли сомнения. Если милосердная леди Лунария прощает даже самых грешных людей, и если человек верит в нее, то он будет спасен после смерти, значит ли это, что лунарианцы будут спасены после смерти, независимо от того, как они проживут свою жизнь в этом мире? Другими словами, нужно ли им что-то делать для своей веры?

(Ах…)

Эти слова разорвали сердце Анны. Этот риторический вопрос. Казалось бы, это была всего лишь личная интерпретация Соуджи, но верно и то, что все учения были основаны на чьей-то интерпретации. Поскольку невозможно встретиться с Богом напрямую, вера не может существовать, если кто-то не истолкует и не передаст Божью волю. Вот почему она не могла полностью отрицать этого.

Соуджи продолжил говорить:

— Когда я задумался над этим, мне показалось, что я понял, почему в доктрине есть учения о [помощи слабым] и [взаимопомощи]… другими словами, [слабые должны помогать друг другу]. Если вера в леди Лунарию спасает всех, то мы не должны помогать друг другу. Но в этой жизни полно людей, которые так страдают, что вынуждены помогать друг другу. Иными словами [после смерти все будут спасены милосердной Лунарией, поэтому в этой жизни верующие должны помогать друг другу и жить до смерти].

Возможно, сейчас вы сражаетесь, потому что духовенство внушило вам, что сражаться и умирать - это путь в Лунарию, но истинно милосердная Лунария не будет делать различий между теми, кто сражается, и теми, кто не сражается здесь. Даже если ты убьешь кого-то или будешь убит кем-то, сражаясь, Лунария спасет тебя, но даже если ты ничего не сделаешь, Лунария спасет тебя, даже если ты сбежишь сюда и вернешься к своей семье.

Это был ловкий оборот речи. Если бы он сказал здесь: "Даже если вы будете сражаться, леди Лунария не спасет вас", солдаты миряне могли бы отмахнуться от этого как от глупостей врага, который не хочет сражаться. Но если бы он сказал: "Если вы будете сражаться, вы будете спасены; если вы не будете сражаться, вы будете тоже спасены", то солдаты задались бы вопросом: "Так ли это?". Они бы задумались: "Так ли это?". Если их действия отрицаются, то они склонны к глухоте, но если их подтверждают и предлагают другой вариант, то они склонны к нему присмотреться.

Вероятно, это связано с тем, что Соуджи умеет придираться в этих вопросах.

— Лунария спасает тех, кто в нее верит. Пока вы верите в леди Лунарию, помогайте слабым и помогаете друг другу… в остальном можно делать, что хотите.

При этих словах Соуджи верующие солдаты рассыпались. Вы можете сражаться, а можете вернуться домой к своим семьям, не сражаясь. В любом случае леди Лунария спасет вас. Трудно продолжать сражаться, когда тебе так говорят. Если кто-то и хочет умереть здесь и спастись сейчас, то это еще не все намерения. Если одни убегут, чтобы вернуться к своим семьям, другие последуют за ними. Боевые порядки рвутся, и те, кто осознает это, проигрывают один за другим.

Таким образом, папская армия потерпела полное поражение и была разбита. Королевская армия Фридонии не стала преследовать отступающих солдат, а сосредоточилась на уничтожении тех, кто шел навстречу, что также заставило большее количество мирян предпочесть бегство. Анна просто молча наблюдала за тем, как рушится ее армия.

— Анна, Это битва проиграна.

— Здесь небезопасно! Нам следует отступить!

Именно в этот момент генералы, находившиеся рядом с ней, посоветовали поступить именно так. Солдаты, защищавшие главный лагерь Ортодоксального Государства, были сбиты с ног внезапно ворвавшимися в лагерь кавалеристами.

— Мы захватим Святую Анну! Тогда мы сможем определить нашу победу на этом поле боя!

Подразделение Королевской армии Фридонии под командованием Мио Кармин галопом пронеслось по хаотичному полю боя и ворвалось в основной строй Папской Армии. Сидя на коне и опираясь на два длинных меча, Мио рубила врагов, приближаясь к Анне, которая все еще стояла на ногах. Когда она оказалась достаточно близко, чтобы дотянуться до Анны…

— Я не позволю тебе! Нет!

Рыцарь в доспехах внезапно ворвался сбоку и нанес Мио удар копьем. Мио поймала его, но ее продвижение было блокировано. Рыцарь в доспехах, Ломбард, закричал.

— Мы возьмем это место! Папская Армия должна немедленно отступить!

— Мы не позволим вам этого сделать!

Мио набросилась на Ломбарда с двумя длинными мечами. Ломбард оборонялся от натиска Мио, которая раньше сражалась с Айшей, лучшим воином королевства, но все же сумел выдержать атаку, используя свое копье и щит. Выдержав атаку, он крикнул:

— Если Святая Анна еще жива, Православное Королевство продолжит оставаться противником, которого Королевство Фридония не сможет игнорировать. Чтобы не допустить этого, отступайте немедленно!

Услышав крик Ломбарда, генералы, находившиеся рядом с Анной, силой увели ее. Мио и ее войска попытались последовать за ними, но войска Ломбарда отчаянно их сдерживали.

— Проклятье! Прочь с дороги!

— Я отказываюсь!

Хотя Ломбард обладал высокими общими способностями, он не имел особо выдающихся навыков, как другие генералы. Тем не менее, его мягкий характер и честная натура сделали его надежным человеком в армии Фуга. Сейчас он отчаянно выдерживает натиск Мио, весь в ранах, чтобы выполнить свою роль.

Но вот!

Вскоре натиск Мио разбил вдребезги копье поединщика. Ломбард тут же попытался вытащить свой поясной меч, но длинный меч Мио приближался к нему все быстрее. Но тут в него полетел лед, и Мио, ползая по земле, быстро отвела коня назад, чтобы сохранить дистанцию.

— Господин Ломбард!

Жена Ломбарда, Йоми, прибыла вовремя и возглавила корпус магов. Йоми приказала своему корпусу магов атаковать Мио, но на этот раз сухопутные войска Королевской армии Фридонии, возглавляемые Маргаритой, прибыли вовремя и выстроили перед ней оборонительную стену. После этого между подразделениями началась наступательная и оборонительная битва, но пока Королевская армия Фридонии наращивала свои силы, а Ортодоксальная Папская армия отступала, только армия Фуги удерживала свои позиции.

Несмотря на это, Ломбард и его люди отчаянно сражались, пытаясь защитить себя, но когда они увидели, что Ортодоксальная Папская армия полностью отступила,

— Услышьте меня, генералы Фридонии! — воскликнул Ломбард, воткнув меч в землю так, чтобы Мио и остальные увидели это.

— Теперь, когда Ортодоксальная Папская Армия отступила, наша армия сделала свое дело! Дальнейшая борьба бессмысленна! Сложите оружие! [[к своим солдатам]] И народ Фридонии! Мы сдаемся и просим вас прекратить сражение!

Услышав слова Ломбарда, солдаты обеих сторон постепенно прекратили битву. Генералы Ломбарда выпустили из рук мечи, чтобы убедиться, что это конец. Звуки падающего на землю оружия еще некоторое время отдавались эхом… но вскоре поле боя затихло, а Ломбард встал на колени и склонил голову перед Мио и ее людьми.

— Мы складываем оружие. Фридонцы, я беру на себя ответственность за это поражение, поэтому прошу гарантировать безопасность моих солдат! Как вы это видите?

— Господин Ломбард…

Йоми также поклонилась. Увидев их, Мио и Маргарита посмотрели друг на друга и кивнули. От их имени Мио сказала.

— На данный момент оставшиеся люди будут схвачены после того, как их разоружат. Ваше обращение будет зависеть от пожеланий Его Величества, но я заверяю вас в вашей безопасности до дальнейших распоряжений.

— Спасибо…

— Да…

Ломбард и Йоми склонили головы. Оставшихся в живых генералов уводили на веревке, а раненых уносили. Когда Ломбарда и Йоми, связанных последними, увозили в повозке для военнопленных, к ним подошла Мио.

— Ну… раз уж вы об этом заговорили, госпожа Йоми - сестра господина Ичихи, не так ли? Я попрошу Грейва не обращаться с ней грубо.

— Прошу прощения… Спасибо.

Затем карета, в которой они ехали, отъехала. Не успела Мио оглянуться на повозку, как рядом с ней оказался Кагерота. Не оглядываясь, Мио сказала:

— Наверное, я не должна… разговаривать так с побежденным генералом? Вы не будете меня

ругать?

Мио спросила это, как бы ожидая выговора, но Кагетора не покачал головой ни в вертикальном, ни в горизонтальном направлении.

— Теперь ты глава Дома Кармин. — сказал он. — Тебе решать, правильно это или нет.

Он не стал ни подтверждать, ни опровергать. Но Мио усмехнулась, услышав голос, в котором слышалось только беспокойство.

— Ха-ха, вы все такой же требовательный, как и раньше.

Таким образом, битва на лунариано-амидонском фронте впервые закончилась победой Фридонского Королевства. Однако, несмотря на пленение Ломбарда и Йоми, войска Амидонии должны были сохранять бдительность в отношении Лунарианского Ортодоксального Государства, поскольку Святая Анна была еще жива и здорова. Исход битвы зависел от прямого столкновения Сомы и Фуги.

~~~ Тем временем на другом фронте ~~~

Мэри, закончившая свою речь по трансляции, молча наблюдала за тем, как члены Дома Джуниро (семьи Ивана Джуниро, "Супер-Сильвана"), отвечавшие за трансляцию, убирали оборудование - драгоценности и приемники. От гонца уже было получено сообщение о том, что битва в районе Амидонии закончилась победой.

Папская Ортодоксальная армия была полностью разгромлена, а ведущие генералы взяты в плен. Маловероятно, что Лунарианские войска когда-либо еще пересекут границу. В связи с этим велась подготовка к скорейшему выводу очень востребованных, но дефицитных драгоценностей, так как держать их в этом месте бесконечно было бы расточительством. Это означало, что роль Марии и Соуджи здесь также подошла к концу.

— Госпожа Мэри.

— Ваше святейшество Соуджи!

Мэри пришла в себя и обернулась, когда к ней подошел Соуджи. Он чесал голову, не зная, как к ней обратиться.

— Это… Все в порядке? Вы выглядели так, будто у вас что-то на уме.

— Я… Я так выглядела?

— Да. Если у вас есть проблемы, я вас выслушаю. Это часть работы церковнослужителя.

— Хм… Если подумать, то да. — сказала Мэри с легким смешком. — Я думала об Анне.

— Вы имеете ввиду святую Империи Святого Тигра?

— Да. Потому что она… Другое будущее, которому я должна была следовать. — Мэри опустила глаза, на ее лице отразилась душевная боль. — У нее нет ни хороших, ни плохих намерений. Она просто хочет, чтобы у нее было место, чтобы кто-то сказал ей, что здесь можно находиться, поэтому она убивает свою волю и продолжает быть святой. Потому что такова судьба одинокой девушки-сироты, которая была избрана кандидатом в святые в Папском Государстве.
~~~

— …

Соуджи не знал, что ей ответить. Ведь когда-то Мэри была одной из них. Только когда у нее появилась возможность покинуть Ортодоксальное Папское Государство в качестве святой для короля Сомы и познакомиться с людьми и культурой этой страны, она смогла осознать искажение. Но у Анны не было даже такой возможности. Мэри не смогла увидеть Анну такой, какой она была тогда, ставшей святой, не знавшей другого образа жизни.

— Неважно, скольких своих последователей она посылает на поле боя, чтобы убить… Неважно, скольких своих политических врагов она видит сожженными… Ее сущность все равно остается чистой и невинной. Она просто девушка, которая искренне хотела быть желанной.

Из глаз Мэри полились слезы. Это были слезы, которые текли оттого, что она думала об Анне. Соуджи просто молча слушал слова Мэри, к которым примешивались рыдания.

— Я… знаю, что мои слова, сказанные ранее… оттолкнут ее. Я сказала девушке, которая убивает свою волю ради других, посмотреть на то, что она сделала. Это значит заставить ее посмотреть в лицо тому, от чего она отвернулась, чтобы уберечь свое сердце. Если она сейчас оглянется назад и увидит, сколько крови было пролито на ее пути, это может разбить ей сердце.

— …

— Может быть, как никто другой в мире, я та, кто… должна быть в состоянии понять ее, но я та, кто пытается разрушить ее место в мире… Я не могу отключить свое разочарование, хотя знаю, что это нужно для того, чтобы… помочь большему количеству людей…

Если бы Анна и Ортодоксальная Папская Армия остались в таком состоянии, то крови народа этой страны пролилось бы еще больше. Поэтому, даже если мы разбили ей сердце, мы не должны сожалеть об этом. Потому что если бы люди этой страны узнали об этом, они бы возмутились, что вместо них должны страдать они. Поэтому Мэри не могла даже сожалеть об этом. Она не могла, но… все равно сердце Мэри сжималось.

Соуджи мог это понять.

— Подойдите… мисс.

— Ваше святейшество?

И вот, необычно для человека с грубыми манерами, Соуджи нежно обнял Мэри. Он не подтвердил и не опроверг слова Мэри, а просто обнял ее, укутав в свои незнакомые одеяния.

— Ооо… Ваша светлость… Ах…

Мэри начала плакать, как будто у нее лопнула выносливость. Соуджи открыл рот, нежно поглаживая голову Марии.

— Сердечная боль – вещь трудноизлечимая. Но со временем и в присутствии заботливых людей раны постепенно становятся легче. В своей профессии я видела много таких случаев. Когда люди обращаются к Богу, они обычно хотят выплеснуть свою боль, и ко мне не раз обращались за советом по поводу душевных ран. Голос Соуджи раздался над головой Мэри.

— Если кто-то пострадал или оступился, и этот человек не безразличен вам, продолжайте

обращаться за помощью. Вы что-то говорили о психиатр..? Король этой страны собирается готовить врачей разума, и королевская церковь должна когда-то помочь ему. Раны сердца могут быть исцелены в… этой стране. Вот почему вы должны быть готовы помочь, когда придет время.

Мария подняла глаза при этих словах Соуджи.

— Вы… поможете мне?

Соуджи решительно кивнул Мэри, которая выглядела встревоженной.

— Именно церковь и вера спасают погибающих. Разве это не более церковная задача, чем подавление ереси или подстрекательство людей к пролитию крови?

Когда Соуджи осмелился подразнить ее, Мэри вытерла уголки глаз и кивнула.

— Да, Ваше Святейшество!

http://tl.rulate.ru/book/68733/3285590